
ОБЗОР

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 213–225.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 2 (87):213–225.

Научная статья
УДК 821.161.1(048)
DOI 10.37724/RSU.2025.87.2.019

**«Жизнь и поэзия одно»:
размышления об одной необычной книге о Пушкине
(рецензия-обзор на книгу: Седова Г. М. Ему было за что умирать
у Черной речки. 2-е изд., доп. СПб. : Росток, 2020. 704 с.)**

Олег Викторович Никитин
Государственный университет просвещения, Москва, Россия
olnikitin@yandex.ru

Аннотация. Обзорно-критическая статья анализирует проблематику монографии Г. М. Седовой «Ему было за что умирать у Черной речки» (СПб., 2020) в контексте духовных исканий А. С. Пушкина, литературной традиции и общественных связей первой половины XIX века. Автор приводит ценные документальные свидетельства знакомых поэта о его жизни и творчестве, говорит о противоречивом отношении современников к А. С. Пушкину, показывает нравственный облик русского гения в кругу художественных баталий той эпохи и жизненных коллизий. Особое внимание уделено изучению последнего этапа биографии поэта и обстоятельствам, приведшим к его гибели. Введены и обследованы новые исторические материалы, а также переосмыслены редкие источники XIX–XX веков. Обзор сопровождается рефлексиями автора статьи о нынешнем состоянии пушкинистики и месте поэта в историческом контексте нашего времени.

Ключевые слова: Пушкин, поэтика, филологическая традиция, исповедальность, духовная культура, история литературы, художественное творчество.

Для цитирования: Никитин О. В. «Жизнь и поэзия одно»: размышления об одной необычной книге о Пушкине (рецензия-обзор на книгу: Седова Г. М. Ему было за что умирать у Черной речки. 2-е изд., доп. СПб. : Росток, 2020. 704 с.) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 213–225. DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.019.

Original article

**“Life and poetry are one thing.”
Reflections on a unique book about Pushkin
(review of G. M. Sedova’s book, *He had a lot to die for at the Black River*.
2nd edition, enlarged. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020. 704 p.)**

Oleg Viktorovich Nikitin
State University of Education, Moscow, Russia
olnikitin@yandex.ru

Abstract. The review-critical article analyzes the problematics of the monograph by G. M. Sedova “He had something to die for at the Black River” (St. Petersburg, 2020) in the context of A. S. Pushkin’s spiritual quest, literary tradition and public relations of the first half of the 19th century. The author provides valuable documentary evidence of the poet’s acquaintances about his life and work, talks about the contradictory attitude of contemporaries to Alexander Pushkin, shows the moral image of the Russian genius in the circle of artistic battles of that era and life collisions. Special attention is paid to the study of the last stage of the poet’s biography and the circumstances that led to his death. New historical materials are introduced and examined, and rare sources of the XIX–XX centuries are reinterpreted. The review is accompanied by the author’s reflections on the current state of Pushkin studies and the place of the poet in the historical context of our time.

Keywords: Pushkin, poetics, philological tradition, confessionalism, spiritual culture, history of literature, artistic creation.

For citation: Nikitin O. V. “Life and poetry are one thing.” Reflections on a unique book about Pushkin (review of G. M. Sedova’s book, *He had a lot to die for at the Black River*. 2nd edition, enlarged. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020. 704 p.). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 2 (87):213–225. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.019.

*Он победил и время и пространство.
А. А. Ахматова «Слово о Пушкине»*

Введение

Имя Пушкина священо для русской национальной культуры и духовной традиции. Его нетипичный облик, «взъерошенный» родовыми легендами, художественное озорство, человеческое мужество, непосредственность, твердая гражданская позиция, неподдельные любовные чувства и недостижимая высота поэтического полета будут всегда вдохновлять нас смотреть на него, думать о нем, спорить и советоваться с ним — мерять по Пушкину свое бытие...

Если золотой век отечественной литературы начал свой путь с Г. Р. Державина, В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, то расцвет научного изучения творчества самобытного поэта, драматурга, писателя и даже историка Александра Сергеевича Пушкина пришелся на XX век. И до сих пор не угасает интерес ученых к этой незаурядной личности. Его непростой жизненный путь, оригинальные сюжеты произведений, отточенные талантом рифмы, богатство и живость словесных красок и эмоций, тонкие исторические сопоставления привлекают внимание не только литературоведов, но и лингвистов, историков, культурологов, психологов, обществоведов. Каждый ищет и находит своего Пушкина. Он для многих стал богом в том смысле, что светил как «солнце нашей поэзии», как «наша народная слава».

Основная часть

Новая книга о Пушкине всегда интересна читателям. Мы, казалось бы, уже «все» знаем и «во всем» разбираемся. Написаны десятки диссертаций, проведены важные конференции, заявлены и доказаны очередные концепции. И все же в мире пушкинистов не было и нет единства. Это соревнование происходит не всегда по-рыцарски, но выходят из него победителями только те, кто смиряет себя перед именем Пушкина высокой моралью, каждодневным тихим подвигом, привязанностью к нему и, наверное, готовностью жить для него, как это было у Бориса Викторовича Томашевского...

Недавний (а прошло-то уже 25 лет!) двухсотлетний юбилей Пушкина и памятные мероприятия (200 лет его ссылки в Михайловское, 225 лет со дня рождения) показывают, насколько актуален поэт-символ, поэт-пророк, поэт-исповедник в XX–XXI веках. За это время выпущены книги, переизданы воспоминания, сделаны открытия, расшифрованы рисунки и тексты, издано новое «Полное собрание сочинений» Пушкина. Но мы постоянно обращаемся к нему по любому поводу: от эмоционально-бытового «Пушкин знает» до почти трагического, но спасительно-го, как в письмах из ссылки В. В. Виноградова: «Александр Сергеевич пока остается *единственным* (курсив наш. — О. Н.) моим утешением и прибежищем. Думаю, что без его стихов и прозы я бы давно повесился» [Виноградов, 2024, с. 316]. Вот она, духовная сила Пушкина!

Новый импульс в исследованиях уже нашего времени получила тема советской пушкинианы — целая эпопея событий и лиц, главным героем которых был великий поэт, осмысляемый в окружении то карьеристов-сталинистов, прикрывавшихся его именем и мечтавших прославиться, то подлинных творцов слова и радетелей национальной культуры. Отголоски той непростой исторической обстановки, которая складывалась вокруг Пушкина в 1930-х годах, точно выразил В. В. Виноградов: «С Пушкиным дело обстоит так: меня не хотят пока близко подпускать к нему. Причин много. При близости юбилея каждому лестно карьеру сделать. Борьба карьер и честолюбий» [Виноградов, 2014, с. 266]. Эти баталии документально описаны в книге «“Пушкин наш, советский!”»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху (Идеи. Проекты. Персоны)» [Турчаненко, Цыганов, 2025]. Они обнажили еще одну нравственную проблему науки, помимо филологических состязаний: правда о Пушкине иной раз становилась опасной игрой, вольной интерпретацией и даже мистификацией. Но Пушкин и это пережил и никогда не сойдет со своего пьедестала. Таково «магическое слово “Пушкин”» [Ахматова, 1989а, с. 8]. Он чист и неисчерпаем, а потому вечен.

Пушкин живет и с нами в XXI веке потому, что его цитируют образованные и не очень современники, которые публично щеголяют своими знаниями, даже не опасаясь попасть впросак. Сайт одной из библиотек предложил посетителям викторину «Узнайте произведения А. С. Пушкина» по картинкам с эмодзи [Георгиевская сельская библиотека. URL : https://vk.com/wall-201967472_1452?ysclid=mb96k3zs38504621883]. Ловко стали делать построфные разъяснения [Евгений Онегин (Глава I). URL : <https://genius.com/Alexander-pushkin-1-eugene-onegin-chapter-1-annotated>], сочиняют литературные тесты [Литературная тест-игра «Нескучная классика». URL : <https://panlib.ru/news/literaturnaya-test-igra-neskuchnaya-klassika-81328.html>], издают гениальное произведение в виде «графического романа», пропустив живые слова Пушкина через... нейросеть [Евгений Онегин. Графический роман. URL : <https://books.yandex.ru/comicbooks/tgvGH16K>], изобретают «авторские комиксы» [Авторский комикс + Евгений Онегин. URL : <https://pikabu.ru/tag/Авторский%20комикс%20Евгений%20Онегин?ysclid=mb9619z9t327266992>], придумывают мемы [Мемы Евгений Онегин. URL : <https://ru.pinterest.com/ideas/мемы-евгений-онегин/910534081162/>], «тегистихи» и подобные развлечения. Все это подается в интернете как «наилучшие идеи» и «эксперименты». И пусть в такой игровой манере новое поколение нечитающей молодежи услышит и запомнит имя Пушкина со страниц занимательной публицистики, отнюдь не литературоведческих чатов и других развлекательно-познавательных ресурсов, захлестнувших неокрепшие и морально искалеченные умы будущих поколений. Их тоже вылечит Пушкин. У него такая благословенная миссия.

Не только они являются читателями Пушкина. Даже самые равнодушные к литературе люди знают роман «Евгений Онегин», который уже давно превратился в... энциклопедию идиоматики, получившую авторские комментарии и рецепцию в текстах XX–XXI веков разных жанров и художественного достоинства. Цитаты Пушкина оказались интересными даже «неформалам» — блогерам, политикам, социологам, журналистам, обычным читателям. Появились интернет-вопросы и задания «по Пушкину». Все это нашло отражение в таком необычном словаре «“Мой дядя самых честных правил”: Крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А. С. Пушкина “Евгений Онегин”» [Мокиенко, Сидоренко, 2022], вобравшем разноцветное языковое творчество любительской пушкинистики.

Наши скромные размышления наталкивают на мысль о том, что при обилии исследователей творчества Пушкина и даже научных школ, при том колоссальном материале о нем, который накоплен учеными разных стран к XXI веку, нечасто (и это радует) появляются книги, которые не идут на поводу у моды того или иного времени и пишутся умными, чувствующими как бы изнутри личность поэта и дух его эпохи людьми. Такие работы нужно пропускать через себя, впитывая не только вновь открывшиеся факты, но и соизмеряя в некотором роде талант подлинного художника и бытописателя-филолога, какими бы разными они ни были.

***

Не каждое исследование о Пушкине заслуживает обозрения и оценки. Найти то сокровенное о нем, попытаться проникнуть в душевные истязания поэта, его боли и радости, рассказать о его злопыхателях и завистниках, среди которых было немало талантливых людей, приоткрыть семейные тайны, увидеть изнутри ближний круг поэта, проанализировать Пушкина как носителя исторической идеи, выразителя народных чувств по силам далеко не всякому ученому.

Г. М. Седова в течение многих лет возглавляет Мемориальный музей-квартиру А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге на Мойке, 12. Галина Михайловна — уникальная личность и как музейный работник, приумноживший документальное собрание [Седова, Солдатова, 1999], и как публицист, и как просветитель, неоднократно выступавший в СМИ и на телевидении с авторскими лекциями и фильмами о Пушкине. Ее докторская диссертация была посвящена биографии и творчеству поэта в последний год жизни [Седова, 2010]. Она много занимается историографией жизненного пути Пушкина [Седова, 2007 ; Мир Пушкина, 2007], а также выпустила интересные материалы, раскрывшие литературные тайны поэта и его времени: замечателен ее рассказ о стихотворении Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) [Седова, 2009a], необычен анализ надписи В. А. Жуковского «Победителю-ученику от побежденного-учителя...» на портрете, подаренном им А. С. Пушкину [Седова, 2009b]. Поражают исследовательской принципиальностью и большим вниманием к архивным поискам ее открытие мемориального дивана в кабинете А. С. Пушкина [Седова, 2015] и другие историко-культурные и филологические работы, заполнившие явные лакуны в нашем пушкиноведении.

Г. М. Седова обратилась к изучению самого сложного, насыщенного событиями и духовными перевертываниями периода в жизни Пушкина, который «каждая эпоха пытается разгадать заново» [Седова, 2020, с. 5]. Например, показательно, что «в 1921 году на собрании в Доме литераторов Александр Блок в знаменитой речи о Пушкине объявил, что поэта “убила вовсе не пуля Дантеса”, а “отсутствие воздуха”, что “с ним умирала его культура”» [Там же, с. 6]. Но эта необычная книга и о том, как он взрастал из «шума и соблазна» и «проходил пустыню мира». Биографическая канва здесь не главное. Она лишь подчеркивает основную идею автора — Пушкин не статичный, он уязвимый и непонятый, мечущийся от равнодушия современников и преследования властей в поиске себя. У Г. М. Седовой характер Пушкина, неровность его поведения, любовные коллизии и их включенность в судьбу как предопределение, «интимы грамматики» его души, понятие чести и достоинства во всем — в центре внимания. Время историческое как бы проникает в Пушкина, пронзает его своими стрелами, а он сопротивляется и дерзит всему — устоям, правителям, самому себе и мечтает «на тронах поразить порок».

Первое издание книги вышло в 2012 году и обратило внимание читающей аудитории на историко-философский контекст проблематики, включенные в исследование новые документальные свидетельства, глубокий психолого-биографический анализ и очень трепетное отношение к Пушкину, на которого представители высшего света порой смотрели как на «инородное тело» [Ахматова 1989a, с. 7] в своем кругу. В качестве заглавия удачно вписалась в рецепцию духовного облика поэта фраза из стихотворения Б. Окуджавы «Счастливчик Пушкин» (1967), где в необычной, несколько гротесковой и парадоксальной манере автор рассказывал биографию поэта: и про «остро перо», и что «жандармы его стихи на память заучивали», и о том, что «он красивых женщин любил», и о трагическом финале — «Ему было за что умирать у Черной речки». В одном из откликов на первое издание [Седова, 2012] мы прочитали такие строки, с которыми и нас несколько не разделяет время: Вот это “за что” и прослеживается в книге: автором подробно описывается путь Пушкина к смертельному поединку — это и духовное становление личности поэта и человека, и неутолимая жажда общественного признания, и мучительная борьба за независимость, за возможность “истину царям с улыбкой говорить”, за тайную и явную свободу, за честь, за семью, за Слово» [Принцева, 2012].

В новом издании автор частично дополнил и переработал отдельные сюжеты книги: более подробно описан царскосельский период в биографии Пушкина (Г. М. Седова обратила внимание не столько на систему обучения, во многом далеко не совершенную, сколько на дружескую атмосферу настоящего братства). Кроме того, «под новым углом зрения рассмотрены обстоятельства поступления будущего поэта», «его эпатажное поведение во второй половине 1810-х — начале 1820-х годов»; «выявлены существенные поводы обращения поэта к тексту Библии»; «прослежены не замеченные исследователями события петербургской жизни, которые остались в пушкинской лирике 1836 года» [Седова, 2020, с. 8]. Очень важно, что ученый по-новому осветил взаимоотношения поэта с властью и уделил внимание ближайшему окружению Пушкина. Так постепенно развенчиваются устоявшиеся мифы о творчестве, семейной жизни, характере. Этому способствовали вновь осмысленные воспоминания его сестры О. С. Павлицевой, Вяземских, семейства Карамзиных и др. [Там же].

Г. М. Седова уже исследовала взаимоотношения А. С. Пушкина с В. А. Жуковским [Седова, 2009б], но мы хотели бы обратить внимание на то, как впервые прочитана в книге знаменитая надпись В. А. Жуковского под портретом: в ней столько смыслов — арзамасских, античных, христианских, которые никто из пушкинистов не заметил...

В книге дано новое видение так называемого каменноостровского цикла. Г. М. Седова оспаривает точку зрения В. П. Старка, находившего связь между сюжетами «цикла» и событиями Страстной недели. Автор монографии показала ошибочность таких привязок, а также обнаружила другие важнейшие события в церковной и светской жизни, происходившие летом 1836 года и ставшие поводами для создания этих стихов. Например, Г. М. Седова нашла тех самых часовых, которым «не велено» пускать в храм «простой народ», что отразилось в стихотворении «Мирская власть». Она обнаружила связь между известными речами митрополита Филарета (с ним у Пушкина был давний, достопамятный диалог) и стихотворением «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (ср.: [Седова, 2009а]). Кстати, впервые в пушкиноведении предложено объяснение даты 21 августа — дня царского предпразднства: в канун 10-летия коронации Николая I, когда в стране обсуждались итоги десятилетнего царского правления, Пушкин решился, следуя традиции (в книге показано, что современники в такие дни пытались оценить свои собственные успехи), подвести некоторые итоги собственной творческой жизни.

Литературоведческая проблематика в книге не затерялась на фоне фундаментальных произведений о Пушкине и показывает большую осведомленность Г. М. Седовой в неоднозначности оценок филологического контекста биографии поэта. В книге рассмотрено, как он воспринимал популярные в своей среде идеи масонства, определены некоторые источники его литературных произведений, пересмотрены «общепринятые датировки и трактовки личной жизни Пушкина» [Седова, 2020, с. 9], оказавшие влияние на формирование эстетического вкуса и душевной симфонии творчества. Особенно важно, что Г. М. Седова уточнила перечень лиц, получивших 4 ноября 1836 года анонимный пасквиль на имя Пушкина. Приведены также новые архивные материалы о жизни Пушкина в начале 1837 года.

Отмеченные проблемы, безусловно, в разное время находили отклик в трудах ученых нескольких поколений, но в авторском описании биографии поэта они обрели новое звучание и обратили внимание исследователей на многие спорные вопросы пушкиноведения. Среди них, например, проблема отражения жизни в художественном сознании Пушкина, которое менялось со временем; соотношение религиозных и общечеловеческих ценностей; принципиален и вопрос о влиянии семьи на «конфессиональную самоидентификацию поэта» [Там же, с. 10] и др.

В чем-то лиричен и тем приятен для филологического осязания замысел книги, сочетающий историзм и достоверность научного исследования с художественным талантом писателя-натуралиста, который своим психологизмом не давит на нас, но усиливает впечатление документальности происходивших событий, невольно заставляет сопереживать и включаться в пушкинскую эпопею духа, понять величие поэтического дара, веру в жизнь и в конечном счете нетленность его личности как пророка, озаренного свыше даром слова. Г. М. Седова в «Предисловии» с таким позывом обращается к тем, для кого Пушкин — исключительное явление русской жизни: «Читателю предлагается присмотреться к Пушкину-человеку — искреннему и мудрому, способному страдать и побеждать уныние, жаждущему счастья, исполненному глубокого внутреннего достоинства...» [Там же, с. 10]. И, наверное, по-пушкински надеется и верит, что ее голос будет услышан.

В объемной книге много интересных сюжетов, которые хочется и процитировать, и обсудить, и просто поделиться с читателями наблюдениями Г. М. Седовой, увидевшей в чем-то другого Пушкина. Так, комментируя воспоминания сестры поэта О. С. Павлицевой, автор замечает, что ее высказывание о том, что «родители пытались определить старшего сына в престижное учебное заведение, вступает в явное противоречие с расхожим мнением об их равнодушии к нему и к его воспитанию. Выбирая между иезуитским пансионом и Лицеем, они как раз проявили заботу о том, где и с кем он будет учиться, какое положение займет в обществе по окончании учебного заведения» [Там же, с. 20]. Возможно, это был их интуитивный выбор, но, скорее всего, они понимали, что сын будет находиться под опекой близкого знакомого С. Л. Пушкина В. Ф. Малиновского, который должен был встать во главе Лицея [Там же, с. 22]. Показательно в этом отношении наблюдение Г. М. Седовой: «В советское время степень прогрессивности учебного заведения определялась причастностью выпускников к событиям 14 декабря 1825 года. При таком

подходе пушкинский курс Царскосельского лицея оказался далеко не на первом месте. Среди соратников поэта лишь двое вышли на Сенатскую площадь: Иван Пущин и Вильгельм Кюхельбекер...» [Седова, 2020, с. 21]. Внутренняя же атмосфера была простой и даже домашней: ученики свободно, не опасаясь наказания, рисовали карикатуры на своих педагогов... И все же Пушкину поначалу было нелегко в лицейской семье. Его друг Иван Пущин вспоминал: «В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то и другое невпопад, что тем самым ему вредило. Бывало, вместе промахнемся, сам вывернешься, а он никак не сумеет этого уладить. Главное, что недо- ставало ему того, что называется тактом» (цит. по изд.: [Там же, с. 30]). Интересно в этом контексте и такое суждение: «Там, где профессор Лотман находил “неуверенность в себе” Пушкина-лицеиста, Галина Седова видит иной психологический рисунок: в Лицее, а затем и после него будущий поэт почти осознанно избирал непослушание, эпатаж, безудержную и опасную игру с миром как один из действенных способов обретения внимания» [Принцева 2012].

Влияние Лицея на формирование мировоззрения и характера Пушкина, по мысли автора книги, не сводится только к образованию — поверхностному и бессистемному, о чем не любят упоминать пушкинисты: Лицей для Пушкина — это теплый круг друзей и вера в свою востребованность на гражданском поприще, в чем Пушкину придется затем горько разочароваться. Тогда же формируется его историческое и патриотическое сознание, что скажется на всей истории творческой жизни.

Г. М. Седова делает психологически меткие историко-литературные зарисовки атмосферы, которая складывалась вокруг Пушкина после окончания Лицея: тайная слежка, просмотр переписки, интриги, поиски крамолы в его стихах, обвинение в неблагонадежности и презрение великосветского общества. Для аристократии Пушкин — «исключительно фигурант по скандальному делу, человек порочный, не заслуживающий снисхождения. О том, как низко его ценили, свидетельствовала история с неудачной попыткой поэта жениться на дочери А. Н. Оленина. Дом последнего был открыт для литераторов и людей искусства, и они принимали Пушкина у себя, но отказывались рассматривать его в качестве жениха для дочери» [Седова, 2020, с. 116]. Поэтому неустроенность личной жизни Пушкина, его стремление обрести семью автор книги объясняет «потребностью в *психологической* (курсив наш. — О. Н.) защите, тягой к гармонии посреди дисгармоничного и безрадостного бытия» [Там же, с. 130]. Тактично, с подобающими интонациями ученый рассказывает о влюбленности Пушкина, его пылких чувствах и смятении в поисках будущей невесты. Эти страницы наполнены тонким лиризмом, как будто автор вступает в самую сокровенную территорию, где поэт обнажен и беззащитен. Искренность его намерений, душевные терзания хорошо передают эти строки-откровения: «Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой — неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно — вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья. — Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером — судьбу существа такого нежного, такого прекрасного?» (цит. по изд.: [Там же, с. 134]).

Интересны рассуждения ученого о литературном творчестве Пушкина, которое являлось как бы отголоском его личных переживаний, вдохновенных полетов и драм. Так, оценивая поэтику баллады о «рыцаре бедном», Г. М. Седова полагает, что в ней «нашло отражение не только типичное для христианского... мира почитание Богоматери, но также эстетическая установка романтиков, веривших в “божественную любовь” художника...» [Там же, с. 174]. Пушкин в чем-то был суеверен, как и мы все: природа творчества непостижима до конца. Она и терзает, и пытается, и мешает жить, и угнетает, и в то же время возвышает. Вот так об этом пишет автор книги: «Спасительное для поэтической души вдохновение он считал пребывающим вне сознания человека, независимо от его воли. Это высший дар, обладатель которого — “небес избранный” — обречен служить искусству, следовать “велению Божию”» [Там же, 175]. Пушкин много работал над этим произведением, как будто искал свой поэтический идеал и думал о высшем предназначении — в чем заключается рыцарское служение?... Ученый приходит к выводу о том, что текст последней редакции стихотворения начала 1830-х годов свидетельствует о том, что Пушкин «ощущал общественное одиночество, но уже не разделял присущую романтикам мысль об исключительности поэта, возвышающей над толпой. В это время он как будто находится между миром земным и горним, где горний — его поэтическое служение, а земной — не только бессмысленная чернь, но и те читатели, которые способны откликнуться на его поэтическое слово» [Там же, с. 189].

Г. М. Седова полагает, что «рассказ поэта о самоотверженном служении рыцаря идеалу, о новом, избранном им пути, исполненном «чистой любовью», о следовании «сладостной мечте» должен был напомнить читателю не только о земных страданиях влюбленного сердца, но и о крестном пути любой крупной личности, художника, поэта, творца, всегда оказывающихся в конфликте с окружающим миром» [Седова, 2020, с. 188].

«Рыцарь бедный», как призналась как-то в переписке со мной Г. М. Седова, — это образ самого Пушкина, влюбленного в свою Музу, остающегося верным ей до конца и надеющегося на ее предстательство после смерти. Она пишет: «Никто не рассматривал первую и последнюю редакции баллады о “рыцаре бедном” как отражение важнейших этапов становления и развития Пушкина-поэта — всегда одинокого, всегда противостоящего не понимающей его толпе» [Там же, с. 188–189].

Заметим, что образ «рыцаря бедного» / «бледного рыцаря» как поэтического символа использовался в литературных произведениях начала XX века, особенно он был популярен у символистов (А. Белого, А. А. Блока, В. В. Набокова): «Для поэтов Серебряного века метафорическое сопоставление рыцарства и дела поэта было естественным, поскольку воспринималось в рамках мифологизации личности художника и его поэтического дара¹. Однако в пушкиноведении подобная постановка вопроса, важнейшая для понимания Пушкина последних лет, не привлекла внимания исследователей. <...> На наш взгляд, именно такое понимание пути поэта нашло отражение в обеих редакциях пушкинской баллады» [Там же, с. 188–189]. «Идеал поэта, — замечает Г. М. Седова, — растворен в его поэзии, его рыцарское служение творчеству, Музе тождественно религиозному служению Божеству и Красоте» [Там же, с. 189].

При чтении книги возникает чувство, что автор как будто шел по стопам поэта, заглядывая в тайные уголки его души, раздираемой далеко не только творческими противоречиями, но и обыденными проблемами, которые дамокловым мечом висели над ним как над главой семейства. Вот Пушкин снова в своем любимом Михайловском. Осень 1835 года. Грустные чувства посещали поэта: творческое пробуждение, на которое он так рассчитывал в этих благословенных местах, его не посетило. Бесплодная осень. «Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен» (цит. по изд.: [Седова, 2020, с. 248]), — признавался он в письме к П. А. Плетневу. В чем же дело? Оказывается, ему не на что жить — отец «уже вполтину промотал имение... У нас ни гроша верного дохода» [Там же]. Но и выйти в отставку, сделаться помещиком ему не позволили. Душевное состояние зависимости от прихотей власти, которая распоряжалась его судьбой, очень беспокоила Пушкина. А его настойчивость «в этом вопросе была истолкована... как возмутительное недовольство благами, даруемыми новоиспеченному камер-юнкеру» [Там же]. Внешне к нему не проявляли грубость, не запрещали, не удерживали против царской воли, но давали понять, что будет закрыт путь в архивы [Там же]. Пушкин в это время работает с рукописями и создает историю о Петре Великом, которая, если представить, что она состоится, могла быть соразмерна творению Карамзина, а по силе исторической правды и проникновению в общественное сознание эпохи — даже выше. Но и этому, как мы знаем, не суждено было случиться.

Книга Г. М. Седовой содержит редкие факты, которые каждый раз открывают биографию Пушкина с новой стороны. Он уникален как книголюб и страстный читатель, готовый питаться *знанием* без перерыва, насыщать свой ум всем необычным, красивым, глубоким. Так, в 1834–1835 годах он купил «Сказки и фантазии» Гофмана, сочинение полковника Гамильтона «Люди и нравы Северо-Американских Соединенных штатов», работу Ж. Б. Рокфора «Нескромная хроника XVIII в.» о жизни Наполеона, «Историю падения Римской империи и упадка нравов» Сисмонди, роман Бальзака «Гороховый цвет» (фр. “Fleur des poist”, имеется в виду роман «Брачный контракт». — О. Н.), английское издание «Детского альбома для рисования», двухтомный англо-французский словарь, труд Шатобриана «Опыт английской литературы и раз-

¹ Ср., напр., в стихотворении В. В. Набокова «На смерть Блока» строки, где автор не отделяет облик поэта от «чародейной отчизны своей» (мы раскрыли здесь фрагмент сноски Г. М. Седовой):

Он любил ее гордо и нежно,
к ней тянулся он, строен и строг, —
но ладони ее белоснежной
бледный рыцарь коснуться не мог... [Набоков, 1991, с. 181].

мышления о характере людей, духе времени и революций», обозрения по истории, политике и литературе [Седова, 2020, с. 322–323]. Автор монографии приводит высказывание П. А. Плетнева, который дал такую характеристику своему другу: «Издерживая последние деньги на книги, он [Пушкин] сравнивал себя со стекольщиком, которого ремесло заставляет покупать алмазы, хотя на их покупку и богач не всякий решится» (цит. по изд.: [Там же, с. 323]).

Пушкин в творческих и духовных исканиях в последние годы с особенным интересом проник в историю, философию и эстетику. Не забыл он и своего старого учителя А. И. Галича (опального в 1830-х годах), которого увидел на собрании учредителей «Энциклопедического лексикона» и вскоре приобрел его книгу «Картина человека». В дневнике 1834 года поэт записал: «Тут я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном» (цит. по изд.: [Седова, 2020, с. 355]). Указанное сочинение — оригинальный философский труд. А. И. Галич не обошел в нем и словесные мотивы, художественные образы, размышлял о божественном происхождении прекрасного. Г. М. Седова замечает: «В пушкиноведении осталось незамеченным, что идеи, изложенные в книге “Картина человека”, созвучны настроениям Пушкина последних лет. “Я знаю, — писал Галич, — что и живу не иначе, как выводя на позорище временные, отдельные порождения внутреннего моего, средобожного могущества, которое составляет сущность моего бытия”. О сущности духовного бытия и о личности, жаждущей освобождения от рабства греха, Пушкин писал летом 1836 года» [Там же].

Автор книги в разных контекстах прикасается к этой интимной линии общения Пушкина с Богом, показывает возникавшие в его стихах реминисценции из Псалтыри и Евангелия, текста Великого канона. Духовные мотивы в его творчестве, почитание креста, святынь и церковных праздников были связаны с семейными традициями, «сопряжены с реализацией его творческого дара и невозможностью отказаться от исполнения долга, завещанного “от Бога... грешному”» [Там же, с. 364]. Рецензент первого издания отмечал такой герменевтический поворот в книге Г. М. Седовой — ее попытку осмыслить проблему православного самосознания поэта: «...она показывает влияние на Пушкина религиозного мировоззрения его жены, а также семейного уклада, которым поэт бесконечно дорожил. Лирика Пушкина, созданная летом 1836 года, предстает как отражение событий церковной жизни, происходивших тем же летом» [Принцева, 2012].

Интересные реминисценции мы находим в анализе стихотворений «Я памятник себе воздвиг» и «Когда за городом задумчив я брожу» и статье А. Н. Радищева «Слово о Ломоносове». Г. М. Седова пишет: «Действительно, “Слово о Ломоносове”, которым завершается “Путешествие из Петербурга в Москву”, если бы оно не было создано на полвека ранее, могло восприниматься как пересказ в прозе пушкинского “Памятника”. Радищев полемизировал в “Слове” с теми, для кого мундир статского советника значил больше, чем заслуги Ломоносова на поприще российской словесности и наук...» [Седова, 2020, с. 419]. Ученый подчеркивает, что и содержательно, по замыслу, и текстологически обнаруживаются явные пересечения: «Очевидные переклички с радищевским текстом могли стать одной из причин того, что в белом тексте Пушкин убрал упоминание о Радищеве. Авторское указание на “след” предшественника могло привести читателя к мысли, что “Памятник” следует рассматривать в качестве поэтической иллюстрации к радищевскому тексту. В таком случае стихотворение лишилось бы своей актуальности и глубокой личной составляющей» [Там же, с. 420].

И другие контекстуально-смысловые находки Г. М. Седовой еще раз свидетельствуют о том, насколько мы поверхностно порой читаем и знаем Пушкина, и какие философские глубины открываются в его литературном творчестве. Так, впервые обнаружена прямая перекличка текста стихотворения «Отцы пустынноики и жены непорочны...» с «Письмами о богослужении Восточной церкви» религиозного писателя А. Н. Муравьева, посвятившего свою книгу брату Н. Н. Пушкиной Ивану Гончарову.

Безусловная находка автора книги и ее кульминация заключаются в поиске причин и анализе обстоятельств, приведших к гибели поэта, в осмыслении тех бесконечных разрывов его пылкой честлюбивой души. По сути, исследователь начал готовить читателей к такому финалу с первых строк, почти провидчески следуя за жизненными пересечениями Пушкина, лицами и событиями в его биографии, которая часто описывается стандартно. У Г. М. Седовой этот самый важный сюжет подается очень аккуратно. Чем ближе трагическая развязка, тем живее представляешь смятенные чувства и думы не принятого современниками поэта: «Можно представить, каково было Пушкину, понимающему, что люди из ближайшего окружения судят о нем превратно, нередко

становясь на сторону его врагов. Всегда открытый в дружеском кругу, он неожиданно осознал, что от нынешних друзей лучше скрывать причины своих поступков. Они же пытались объяснить его поведение какой-то природной замкнутостью» [Седова, 2020, с. 470–471].

Страницы, посвященные последним годам и месяцам жизни Пушкина, читаются с большим волнением — слишком много событий и драм предшествовало гибели поэта, сжимая пружину его израненной совести: злосчастный д'Антес, пасквиль на Пушкина, ответное письмо барону Геккерну... И большая текстологическая работа нескольких поколений ученых, чтобы разобраться в запутанном театре лицедеев. Об этом подробно рассказывает Г. М. Седова, полагаясь на авторитетные источники, воспоминания и свидетельства современников Пушкина. Так, например, «указание в пасквили на звание историографа объяснялось тем, что в глазах окружающих Пушкин пытался занять при дворе и в обществе нишу, пустующую после смерти Н. М. Карамзина» [Там же, с. 503]. Но больше всего анонимные письма затронули личную честь поэта: «Содержание пасквиля наносило удар по его репутации, порочило доброе имя жены, в нравственной чистоте которой он никогда не сомневался. Размышляя над тем, кто мог быть автором писем, поэт пришел к выводу, что поводом для их написания стало недостойное поведение Жоржа д'Антеса, его дерзкие ухаживания за Н. Н. Пушкиной. Поэтому он посчитал нужным вызвать кавалергарда на поединок» [Там же, с. 509–510].

Все события описаны Г. М. Седовой с высоким психологическим накалом и с опорой на исторически достоверные факты. Личные наблюдения автора книги показывают надвигающуюся дуэль с разных сторон, но с особым чувством она передает душевные терзания: «На семействе Пушкина было сосредоточено все внимание светских сплетников. Под их пристальными взглядами поэт и его жена выглядели абсолютно одинокими и незащищенными» [Там же, с. 575]; «В те дни немалого мужества потребовалось и жене Пушкина. Нахальные преследования новоиспеченного родственника возбуждали светские пересуды, а ее природная деликатность не позволяла дать ему достойный отпор. Между тем свет следил за происходящим с нескрываемым злорадством» [Там же, с. 576].

Автор книги в деталях рассказывает о приготовлении к дуэли, о встречах Пушкина с близкими людьми, разбирает версии о том, как в качестве секунданта поэта появилась фигура Данзаса, и о личности д'Антеса. Он родился в Эльзасе, в том районе Франции, где мальчиков «с раннего детства приучали держать в руках ружье, готовя из них метких охотников», и рос с Сульце, где «мужчины часто выходили охотиться на зайцев, которые обгрызали виноградные лозы...» [Там же, с. 598]. Исследователь замечает такую деталь: «В наши дни при въезде в Сульц, где находилось родовое поместье д'Антесов, можно видеть местное кафе “У охотника” — с шуточным рисунком на стене, изображающим зайца, который целится в убегающего от него охотника» [Там же, с. 598–599]. Похожим на эту метафору представляется д'Антес — ловкий, хитрый, извилистый и безбожный: «Кавалергард не просто был метким стрелком, но имел охотничью реакцию и сноровку. Когда Пушкин подошел к барьеру, д'Антес мгновенно оценил ситуацию и, не доходя шага до барьера, не размышляя и не прицеливаясь, выстрелил. Формально условия поединка не были нарушены...

Закон, нарушенный д'Антесом, находился вне пунктов и правил и за пределами законов совести» [Там же, с. 599].

Состояние Пушкина после дуэли, когда его внесли в квартиру, врачи, суэта, прощение Николая I, тщеславная гордыня которого приписала себе «заслугу умиротворения Пушкина перед кончиной» [Там же, с. 603], страх и ужас близких, В. И. Даль, остававшийся с Пушкиным до последнего вздоха, и фраза умиравшего поэта, обращенная к другу в полудреме: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше...» (цит. по изд.: [Седова, 2020, с. 606]). И тихое блаженство ухода... от одиночества и непонимания. «...закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина!» [Там же, с. 609], — писала на следующий день Е. А. Карамзина сыну.

Но и после убийства поэта на поединке многие еще верили в «живучесть геккерновской версии, согласно которой Пушкин давно стремился покончить с собой и избрал руку “бедного Жоржа” как способ перехода в мир иной» [Там же, с. 611–612]. Подлая интрига Геккернов исказила и перевернула никогда не принадлежавшую им жизнь Пушкина. Даже перед Всевышним они пытались вживить этот абсурдный, «гротескный образ поэта, якобы не способного совладать с эмоциями и гибнущего в круговороте мрачных подозрений» [Там же, с. 612]. Г. М. Седова замечает: «Люди

даже самого близкого окружения Пушкина не могли объяснить его поступок. Они привыкли видеть в нем доброго приятеля, соседа, интересного собеседника либо просто светского знакомого, но и те, кто общался с ним ежедневно, не сумели осознать масштаб его духовных исканий, степень противостояния этих исканий окружающему миру» [Седова, 2020, с. 611].

Состояние души и разума Н. Н. Пушкиной, жизнь после этой трагедии, ее роль во всех «мистификациях» всегда неоднозначно воспринимались и толковались современниками и исследователями биографии Пушкина. Даже в описании очевидных фактов немало ошибок [Там же, с. 615], неточных сравнений и просто не совсем этичных домыслов. Г. М. Седова очень внимательно разбирает каждую деталь ее человеческого портрета: переживание потери любимого на грани безумия, исповедь и причащение на девятый день... Здесь не может быть только порицательной интонации, ведь многие признания Н. Н. Пушкиной, достоверно воспроизведенные друзьями поэта, звучали как отчаяние сокрушенной души, винившей себя в гибели мужа. Г. М. Седова отлично понимает деликатность этого вопроса. Она обратила внимание на общение Н. Н. Пушкиной со священником отцом Василием Бажановым, который был «убежден в непорочности ее» (из письма П. А. Вяземского А. Я. Булгакову от 10 февраля 1837 г.) (цит. по изд.: [Седова, 2020, с. 618]). Приводятся также и другие мнения: А. А. Ахматова, например, считала иначе. Но записей исповеди мы не имеем, и одному Богу известно о мытарствах души несчастной вдовы.

Книга завершается размышлениями автора о реакциях современников на гибель Пушкина, о бездушии аристократии, настороженности к иностранцам, находившимся на службе, опасениях царя. Гражданская муза Пушкина будоражила общество. Независимость суждений, творческие открытия вне времени и моды и особенное поэтическое слово как идеал, как духовный свет, «а не нравоучение» [Там же, с. 640] — вот те устремления, которые соответствовали его взглядам о собственном предназначении. Поэзия Пушкина стала отражением его судьбы... К этому он шел в 1830-х годах, прорываясь сквозь бюрократические препоны и жалкий лепет толпы. Г. М. Седова верно подметила, что «придворное» мышление не позволило современникам Пушкина увидеть в нем больше, чем поэта. За его образом «рыцаря бедного» они «не сумели разглядеть художника, который давно уже воздействовал на их чувства и мировоззрение, предопределив дальнейшие философские и нравственные искания литературы и культуры» [Там же, с. 643]. «Мы увидели даль без границ, глубь без дна, — и с трепетом отступили назад» [Там же, с. 643], — скажет потом остролов В. Г. Белинский, изумленный и испуганный от того «трепетного восторга», который вызвало только одно слово — Пушкин.

Книга Г. М. Седовой принадлежит той серии работ, которые хочется читать даже не в силу профессиональных интересов, а просто так — без «концепций» и научных интриг. Это почти как красивый художественно-исторический роман, в котором соблюден гармоничный баланс изобразительных средств: ровный, понятный язык без популярного новаторства и избитых клише, погружающий читателя в захватывающие перевоплощения Пушкина-поэта и его окружения, пристальное внимание к событийной стороне и мелким деталям, психологизм автобиографической прозы, корректные и не перегруженные информацией комментарии и действительно ученый взгляд на «запретную» проблему, которую не всегда любили обсуждать. Г. М. Седова сумела объединить и отчасти решить в исследовательском замысле спорные вопросы пушкинистики и подлинно показать портрет Пушкина в годы его расцвета и грядущего испытания.

Автор, заведующий Мемориальным музеем-квартирой А. С. Пушкина, использовал при написании богатую коллекцию архивов из отделов рукописей РГБ и РНБ, РГАЛИ и РГИА и предметы, принадлежавшие поэту и хранящие вечные ценности. Сама обстановка его последнего пристанища, бережное отношение к каждой реликвии, сопровождавшей плоть и дух Пушкина, забытые воспоминания, вновь открытые факты и духовные муки, попытка воссоздать *реальный* облик Пушкина-человека в движении драматических событий, столкновении противоположных сил, провидческие размышления философов, пронзительный эпистолярный — все это позволило Г. М. Седовой написать необычную книгу. Она не дает однозначного ответа на вопрос, как погиб Пушкин, но точно документирует и вскрывает глубочайшие конфликты с реальностью и людьми. Пушкин в изображении Г. М. Седовой — большая трагическая маска, идеал, обладающий безупречной нравственной чистотой и достоинством. Это сильная, незаурядная личность — настоящий Герой, сожженный временем и бездушным светом.

Научное сопровождение исследования (постраничные ссылки на литературу и комментарии, помещенный в конце монографии «Указатель имен») дает подробную характеристику лицам из окружения Пушкина и тем именам, которые упоминаются в его произведениях и письмах [Седова, 2020, с. 647–700]. Приведены их краткие аннотации и годы жизни. Текст сопровождается авторскими ремарками, подробными источниками, литературоведческими, философскими, историко-культурными реминисценциями. Замечательны иллюстрации в книге, которые открываются портретом Пушкина 1810-х годов и продолжаются галереей колоритных характеров: от великого князя Николая Павловича и графа С. С. Уварова до митрополита Филарета, князя Г. Г. Волконского, А. И. Тургенева, В. А. Жуковского, П. Я. Чаадаева и Н. Н. Пушкиной. На последней странице цветной вставки изображены часы Пушкина, остановленные на времени его кончины в 2 часа 45 минут пополудни, и современный вид набережной Мойки, 12.

Летописная пушкиниана XXI века свидетельствует о том, что нет границ у гения. Она позволит современным и будущим исследователям творчества поэта искать и находить верные ориентиры и полагаться на разнообразные факты. Эта наука уже давно перешла рубежи России, но здесь, дома, она «небеснее» и вплетена в природу пушкинского мироздания как живое наследие, которое никогда не угаснет.

Заключение

Новая книга о Пушкине — всегда событие и большая ответственность писать правдиво, интересно, фактологично, глубоко и с проникновением в духовную ипостась его творчества. Такими мастерами, раскрывшими нам Пушкина на заре филологических состязаний, были С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Г. А. Гуковский, Б. Л. Модзалевский, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский и другие представители великой научной традиции, переросшей в большую Школу пушкинистики — от Ю. М. Лотмана, В. Э. Вацура и С. А. Фомичева до Е. М. Верещагина, Н. В. Перцова, М. И. Шапира, Т. И. Краснобородько и др., сделавших яркие текстологические открытия. Рядом с ними шли талантливые поэты и писатели, для которых Пушкин был образцом и даже больше — смыслом творчества, двигателем вдохновения, — А. А. Ахматова, В. Я. Брюсов, В. В. Вересаев, В. В. Набоков, И. А. Новиков, Ю. Н. Тынянов, В. Ф. Ходасевич, М. И. Цветаева... Пушкин — в современном театре, в классической музыке, драматургии... Однако чем дальше мы от его времени, тем больше чувствуется голод настоящих прозрений и высокой пушкинистики. «Легкие» жанры, к сожалению, проникли и в научное содружество и стали модой. Оттого вечны слова А. А. Ахматовой, как бы увидевшей судьбу поэта в наше время: «Мне кажется, мы еще в одном очень виноваты перед Пушкиным. Мы почти перестали слышать его человеческий голос в его божественных стихах» [Ахматова, 1989б, с. 232]. В красивой, исторически достоверной и в чем-то даже исповедальной книге Г. М. Седовой «память о нем сохранилась в чистоте и целостности истины» [Из писем князя П. А. Вяземского, 1879, с. 246], а голос Пушкина словно воскрес из псевдобытия и всезнания XXI века. Он весел и тих — звучный, бесстрастный, возбужденный, влюбленный и встревоженный, трагически светлый — и всегда чистый. Он — живой! И в этом мастерстве художественно-реалистического перевоплощения большая заслуга автора — доктора филологических наук Галины Михайловны Седовой, посвятившей свою жизнь исследованию личности Пушкина. И сейчас мы можем повторить слова А. А. Ахматовой о том, что «он победил и время и пространство» [Ахматова, 1989а, с. 8].

***

Однажды мне удалось побывать на публичной лекции Г. М. Седовой в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве. Она рассказывала о подлинных вещах, принадлежавших поэту, из коллекции мемориальной квартиры на Мойке, 12. Это выглядело как документальный фильм, как историческая пьеса, где старинные предметы вдруг оживали, приобретали человеческие черты, начинали звучать... Казалось, вот-вот появится и Пушкин, снимет шляпу, поклонится почтенной публике и начнет читать стихи — так было уютно, камерно, интимно, будто ты оказался в салоне А. О. Смирновой-Россет, и рядом в своих уголках Жуковский, Карамзин, Вяземский... Остроумная хозяйка отлично образованна, покоряет гостей красотой и обаянием,

изысканными манерами, независимостью и тонкостью мысли... Так ли это было на самом деле, не знаю, но в чем-то, да простит мне такую фантазию гений Пушкина, она походила на эту салонную музу — являлась «вестницей славы И вдохновеньем для меня».

Список источников

1. Ахматова А. А. Слово о Пушкине // Ахматова А. А. О Пушкине : ст. и заметки. — М. : Книга, 1989а. — С. 7–10.
2. Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году // Ахматова А. А. О Пушкине : ст. и заметки. — М. : Книга, 1989б. — С. 218–233.
3. Виноградов В. В. «Жду перемен в своей судьбе» : Письма к жене из вятской ссылки (1934–1936) / сост., подгот. текста А. Б. Гуськовой ; науч. ред. Виноградов В. В. «Жду перемен в своей судьбе» : Письма к жене из вятской ссылки (1934–1936) / сост., подгот. текста А. Б. Гуськовой ; науч. ред. Н. Я. Козел ; сопроводит. материалы А. Б. Гуськовой, В. Н. Виноградовой ; коммент. А. Б. Гуськовой, Н. Я. Козел. — СПб. : Росток, 2024. — 400 с.
4. Из писем князя П. А. Вяземского А. Я. Булгакову // Русский архив. 1879. — Кн. 2. — № 6. — С. 237–257. — URL : https://runivers.ru/upload/iblock/d33/039%20tom_Russkiy%20arhiv_1879_vip%205-8.pdf (дата обращения: 29.05.2025).
5. Мир Пушкина. Т. 5 : Последняя дуэль : дневники, переписка, воспоминания / сост. Г. М. Седова ; общ. ред., подгот. текста и примеч. М. А. Александрова. — СПб. : Пушкинский фонд, 2007. — 303 с.
6. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. «Мой дядя самых честных правил» : Крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» : Опыт словаря. — СПб. : Лема, 2022. — 536 с.
7. Набоков В. В. Стихотворения и поэмы. — М. : Современник, 1991. — 574 с.
8. Принцева Г. У Черной речки // Независимая газета Ex libris : интернет-версия. 18.10.2012. — URL : https://www.ng.ru/ng_exlibris/2012-10-18/7_blackriver.html (дата обращения: 27.05.2025).
9. Седова Г. М. «Я жить хочу...» : А. С. Пушкин: последние месяцы жизни. — СПб., 2007. — 203 с.
10. Седова Г. М. Стихотворение А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836). — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009а. — 31 с.
11. Седова Г. М. «Победителю-ученику от побежденного-учителя...» : о надписи В. А. Жуковского на портрете, подаренном им А. С. Пушкину. — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009б. — 36 с.
12. Седова Г. М. Биография и творчество А. С. Пушкина: последний год : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб. : СПбГУ, 2010. — 44 с.
13. Седова Г. М. Ему было за что умирать у Черной речки. — СПб. : Росток, 2012. — 735 с.
14. Седова Г. М. О мемориальном диване в кабинете А. С. Пушкина // Пушкинский Музеум. Альманах. — СПб. : Всерос. музей А. С. Пушкина, 2015. — Вып. 7. — С. 23–34.
15. Седова Г. М. Ему было за что умирать у Черной речки. — 2-е изд., доп. — СПб. : Росток, 2020. — 704 с.
16. Седова Г. М., Солдатова Л. М. Особняк на Мойке, 12. — СПб. : Белое и Черное, 1999. — 126 с.
17. Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!» : Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху (Идеи. Проекты. Персоны). — М. : Новое литературное обозрение, 2025. — 792 с.

References

1. Akhmatova A. A. A word about Pushkin. *Akhmatova A. A. O Pushkine: st. i zametki*. [Akhmatova A. A. About Pushkin: articles and notes]. Moscow, Kniga, 1989a, pp. 7–10. (In Russian).
2. Akhmatova A. A. Pushkin in 1828. *Akhmatova A. A. O Pushkine: st. i zametki*. [Akhmatova A. A. About Pushkin: articles and notes]. Moscow, Kniga, 1989b, pp. 218–233. (In Russian).
3. Vinogradov V. V. “Zhdu peremen v svoey sudbe”: *Pisma k zhene iz vyatskoy ssylki (1934–1936)*. *Sost., podgot. teksta A. B. Guskovoy; nauch. red. N. Ya. Kozel; soprovodit. materialy A. B. Guskovoy, V. N. Vinogradovoy; komment. A. B. Guskovoy, N. Ya. Kozel*. [“I am expecting changes in my fate”: Letters to wife from Vyatka exile (1934–1936). Compiled, prep. of text by A. B. Guskova; scientific ed. N. Ya. Kozel]. St. Petersburg, Rostok, 2024, 400 p. (In Russian).
4. From Prince P. A. Vyazemsky’s letters to A. Ya. Bulgakov. *Russkiy arkhiv*. [Russian Archive]. 1879, bk. 2, iss. 6, pp. 237–257. Available at: https://runivers.ru/upload/iblock/d33/039%20tom_Russkiy%20arhiv_1879_vip%205-8.pdf (accessed: 29.05.2025). (In Russian).
5. *Mir Pushkina. T. 5: Poslednyaya duel: dnevniki, perepiska, vospominaniya*. *Sost. G. M. Sedova; obshch. red., podgot. teksta i primech. M. A. Aleksandrova*. [The World of Pushkin. Vol. 5: The Last Duel: diaries, correspondence, memoirs. Compiled by G. M. Sedova; edited, text preparation and notes by M. A. Alexandrova]. St. Petersburg, Pushkin Fund, 2007, 303 p. (In Russian).

6. Mokienko V. M., Sidorenko K. P. *“Moy dyadya samykh chestnykh pravil”*: Krylatyye slova, tsitaty, obrazy iz romana v stikhakh A. S. Pushkina *“Yevgeniy Onegin”*: Opyt slovary. [“My uncle was of most honest rules”: Popular phrases, quotes, and images from A. S. Pushkin’s novel in verse “Eugene Onegin”: Attempt at dictionary]. St. Petersburg, Lema, 2022, 536 p. (In Russian).
7. Nabokov V. V. *Stikhotvoreniya i poemy*. [Poems]. Moscow, Sovremennik, 1991, 574 p. (In Russian).
8. Printseva G. At the Black River. *Nezavisimaya Gazeta Ex libris: Internet versiya*. [Independent newspaper Ex libris: Internet version]. 18.10.2012. Available at: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2012-10-18/7_blackriver.html (accessed: 27.05.2025). (In Russian).
9. Sedova G. M. *“Ya zhit khochu...”*: A. S. Pushkin: posledniye mesyatsy zhizni. [“I want to live...”: A. S. Pushkin: his last months]. St. Petersburg, 2007, 203 p. (In Russian).
10. Sedova G. M. *Stikhotvoreniye A. S. Pushkina “Ya pamyatnik sebe vozdvig nerukotvornyy...” (1836)*. [The poem by A. S. Pushkin “I have erected a monument to myself not made by hands...” (1836)]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University, 2009a, 31 p. (In Russian).
11. Sedova G. M. *“Pobeditelyu-ucheniku ot pobezhdennogo-uchitelya...”*: o nadpisi V. A. Zhukovskogo na portrete, podarennom im A. S. Pushkinu. [“To the victorious student from the defeated teacher...”: about V. A. Zhukovsky’s inscription by on the portrait he presented to A. S. Pushkin]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University, 2009b, 36 p. (In Russian).
12. Sedova G. M. *Biografiya i tvorchestvo A. S. Pushkina: posledniy god: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. [Life and work of A. S. Pushkin: his last year: abstract of diss. ... of Doctor of philology]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2010, 44 p. (In Russian).
13. Sedova G. M. *Yemu bylo za chto umirat u Chernoy rechki*. [He had a lot to die for at the Black River]. St. Petersburg, Rostok, 2012, 735 p. (In Russian).
14. Sedova G. M. On the memorial sofa in A. S. Pushkin’s study. *Pushkinskiy Muzeum. Almanakh*. [Pushkin Museum. Almanac]. St. Petersburg, All-Russian Museum of A. S. Pushkin, 2015, iss. 7, pp. 23–34. (In Russian).
15. Sedova G. M. *Yemu bylo za chto umirat u Chernoy rechki*. [“He had a lot to die for at the Black River”]. 2nd ed., enlarged. St. Petersburg, Rostok, 2020. 704 p. (In Russian).
16. Sedova G. M., Soldatova L. M. *Osobnyak na Moyke, 12*. [Moyka, Mansion 12]. St. Petersburg, Beloye i Chernoye, 1999, 126 p. (In Russian).
17. Turchanenko V. V., Tsyganov D. M. *“Pushkin nash, sovetskiy!”: Ocherki po istorii filologicheskoy nauki v stalinskuyu epokhu (Idei. Proyekt. Persony)*. [“He is ours, Pushkin is Soviet!”: Essays on the history of philological science in the Stalin era (Ideas. Projects. Persons)]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2025, 792 p. (In Russian).

Информация об авторе

Никитин Олег Викторович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения.

Сфера научных интересов: история науки, общее языкознание, славистика, лексикография, текстология, памятники древнерусской письменной культуры, филологическая критика, духовные сочинения.

Information about the author

Nikitin Oleg Viktorovich — Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Slavic studies, general linguistics and culture of communication at the State University of Education.

Research interests: history of science, general linguistics, Slavistics, lexicography, textology, monuments of Old Russian written culture, philological criticism, spiritual writings.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; принята к публикации 09.02.2025.

The article was submitted 27.01.2025; accepted for publication 09.02.2025.